

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЗАРИПОВ

Руслан Ирикович

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале французских политических метафор образа России)**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва 2015

Диссертация выполнена на кафедре французского языка Военного университета.

Научный руководитель – Кандидат филологических наук, профессор **Гаврилов Лев Алексеевич**, профессор кафедры французского языка Военного университета.

Официальные оппоненты: Доктор филологических наук, профессор **Епифанцева Наталия Глебовна**, заведующая кафедрой романистики и германистики МГОУ.

Кандидат филологических наук, доцент **Торсуков Евгений Георгиевич**, доцент кафедры теории и методологии перевода высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ведущая организация – **ФГБУН Институт языкознания РАН.**

Защита состоится «30» июня 2015 года на заседании диссертационного совета Д 215. 005. 01 в Военном университете по адресу: г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4, тел. 362-41-38.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Военного университета по адресу: г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

В.О. Нечаевский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена когнитивному исследованию метафорических моделей образа России, функционирующих в современном французском политическом дискурсе. Под метафорической моделью мы понимаем существующую и/или формирующуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами в виде определённой формулы: «X – это Y». Иными словами, метафорическая модель представляет собой соответствие между элементами концептуального поля-источника и элементами концептуального поля-цели.

Особенность этого взаимодействия заключается в том, что элементы понятийной сферы-источника реализуются в тексте с помощью соответствующих лексических единиц в их главном, прямом значении, а элементы понятийной сферы-цели с помощью лексических единиц в переносном, непрямом значении. И хотя такая «наивная, а не научная категоризация окружающего мира»¹ не характерна для языка научной литературы, она оказывается весьма эффективной в политическом дискурсе.

Возникающая в этих условиях яркая социальная окраска делает сообщения более убедительными для аудитории. Их понимание *volens-nolens* начинает строиться не на учёте логических доводов и рассуждений, а на основе экспрессивных компонентов, чаще всего представляющих собой реализацию различных метафорических моделей. Таким образом, «наивная», чаще всего, образно-метафорическая информация об окружающем мире начинает использоваться отправителем сообщения для того, чтобы сформировать или даже изменить сознание человека.

Актуальность исследования метафорических моделей образа России в современном французском политическом дискурсе обусловлена следующими обстоятельствами.

---

¹ Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. – С. XV.

Во-первых, отсутствием на сегодняшний день исследований соответствующих моделей во французском политическом дискурсе.

Во-вторых, растущим интересом российских исследователей к изучению образа России в западных средствах массовой информации в условиях информационной войны и нарастающего геополитического противостояния.

В-третьих, перспективностью дальнейшего развития теории метафорического моделирования как основы для практического выявления корреляций между концептуальными метафорами, отражающими замысел автора, и политическим дискурсом, в котором они реализуются как лингвосоциальный феномен и оказывают информационное манипулятивное воздействие на реципиента.

Цель работы состоит в выявлении, когнитивном анализе и систематизации основных метафорических моделей образа России в современном французском политическом дискурсе.

Задачи заключаются в следующем:

- дать комплексное определение метафоры и определить её функции во французском политическом дискурсе;
- определить основные особенности и критерии выделения концептуальной метафоры среди других видов образной номинации;
- определить теоретические основы и методику исследования метафорических моделей;
- рассмотреть и систематизировать метафорические словоупотребления, репрезентирующие образ России во французских политических текстах, посвящённых наиболее актуальным политическим событиям последних лет, связанным с Россией (протестное движение оппозиции в 2012-2013 гг., Олимпийские Игры в Сочи 2014 г. и гражданская война на Украине 2014-2015 гг.);
- градуировать политические сегменты дискурса на основе критериев экспрессивности и конфликтогенности метафор, функционирующих в их рамках;
- выделить основные метафорические модели образа России в современном французском политическом дискурсе и провести их описание.

Объектом исследования являются метафорические номинации, репрезентирующие образ России во французском политическом дискурсе последнего десятилетия. **Предмет** исследования составляют общие и специфические когнитивно-дискурсивные закономерности метафорической репрезентации образа России в современном французском политическом дискурсе.

В качестве **практического материала** для исследования использовались более 400 политических текстов ведущих печатных и электронных французских средств массовой информации общим объёмом более 5000 страниц, содержащих метафорические выражения образа России. Всего было рассмотрено более 2000 метафорических словоупотреблений, относящихся к сфере-мишени «Россия».

Методология исследования сложилась под влиянием теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), а также успешно развивающихся на её основе теории метафорического моделирования (Э.В. Будаев, А.П. Чудинов) и дескрипторной теории метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов). Представленная работа также опирается на достижения дискурс-анализа (А.Н. Баранов, Т. ван Дейк, К. де Ландтсхеер, Е.В. Сидоров, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал) и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики, семиотики и лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.А. Гаврилов, В.Г. Гак, Н.В. Иванов, Е.С. Кубрякова, В.А. Курдюмов, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Телия и др.).

В процессе работы использовались следующие **методы**: семасиологический, функциональный («языковая форма – внеязыковое содержание»), лингвостатистический, методы компонентного анализа, когнитивно-дискурсивного анализа, контент-анализа СМИ, контекстуального анализа, когнитивного моделирования.

Научная новизна реферируемого диссертационного исследования состоит в том, что *впервые*:

- введены системные критерии функциональной классификации концептуальных метафор в политическом дискурсе (сведение их к ограниченному числу образных типов);
- рассмотрена система метафорических моделей образа России во французском политическом дискурсе;
- проанализированы и систематизированы отдельные метафорические словопотребления, репрезентирующие образ России в современном французском политическом дискурсе;
- раскрыта функциональная активность концептуальной метафоры в политическом дискурсе, проанализирован и определён её манипулятивный и эвристический потенциал.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Метафора – это сложный и многогранный когнитивный механизм, комплексная образно-семантическая структура и эпистемологическая категория, с помощью которой происходит не только познание, объяснение, оценка и преобразование действительности, но и её намеренное искажение. Метафорой может называться любое выражение, употреблённое в непрямом значении.

2. Метафора – одно из основных языковых средств политического и идеологического воздействия на стилистическом уровне языка. Использование политической метафоры наиболее эффективно в текстах публицистического стиля, который отличается менее строгими рамками употребления языковых единиц и носит ярко выраженный субъективный характер. Метафоризация в политическом дискурсе способствует изменению ценностных установок реципиента в соответствии с требованиями внутренней и внешней политики французской правящей элиты.

3. Французский политический дискурс характеризуется большим количеством метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий. Негативные метафорические образы России значительно преобладают над положительными. Во французских политических текстах широко используются образы болезней, которые призваны отражать

социальные и политические проблемы нашей страны, а также милитарные, криминальные, спортивные (игровые), ограничительные и монархические образы, пронизанные концептуальными векторами опасности, тревожности и агрессивности.

4. Градацию тематических сфер метафоризации (политических сегментов дискурса) целесообразно проводить на основе критериев экспрессивности и конфликтогенности метафор. По критерию экспрессивности наиболее продуктивными оказались метафоры образа России в политическом сегменте «Олимпийские Игры в Сочи», тогда как наиболее высокая концентрация конфликтных метафор нами наблюдалась в сегменте «Гражданская война на Украине». Политический сегмент «Дело Навального» обладает сбалансированными показателями: среди трёх сегментов российской политической действительности, отражаемых во французском политическом дискурсе, он занял второе место как по экспрессивности метафор, так и по степени их конфликтности (конфликтогенности).

5. Метод метафорического моделирования позволяет сжато и образно выразить мотивационные установки политического дискурса. Для современного французского политического дискурса наиболее типичными метафорическими моделями образа России являются: «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА», «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ)», «РОССИЯ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО». Кроме того, встречаются системные проявления таких метафорических моделей, как «РОССИЯ – это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ» и «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ТЕАТР (ЦИРК)».

Теоретическая значимость диссертации заключается в определении роли метафорических моделей образа России и методологических основ их исследования в рамках теории метафорического моделирования.

Более того, дополнен и усовершенствован инструментарий метода де Ландтсхеер по расчёту экспрессивности и конфликтогенности метафор. Таким обра-

зом, была проведена градация сегментов российской политической действительности на основе критериев экспрессивности и конфликтогенности метафор.

Наконец, уточнено определение метафоры как когнитивного механизма, а также введено понятие политического сегмента как отображаемого в политическом дискурсе ряда общественно значимых и взаимосвязанных событий, привлекающих внимание национальной и мировой общественности.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью её использования в исследовании проблем речевого манипулятивного воздействия и теории метафорического моделирования в национальных политических дискурсах (в том числе французском), при написании дипломных и курсовых работ, при разработке практических и теоретических материалов в рамках вузовского и послевузовского преподавания иностранного языка по дисциплинам: межкультурная коммуникация, теория перевода, стилистика французского языка, лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная и политическая лингвистика.

Кроме того, в диссертации усовершенствована весьма перспективная методология расчёта экспрессивности и конфликтогенности политических метафор.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается достаточным для получения объективных выводов объёмом проанализированного фактического материала, адекватностью избранных методов анализа и тщательной проработкой научной литературы. Список использованных библиографических источников включает 442 позиции.

Апробация материалов исследования. Тема диссертационного исследования разрабатывалась в соответствии с планом адъюнктской подготовки кафедры французского языка Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры в 2013-2015 гг., а также послужили основой для докладов на международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях в Москве (2013, 2014) и Пензе (2013).

Материал исследования применялся автором при проведении практических занятий на факультете иностранных языков Военного университета в 2014-2015 гг., а также при написании научных статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определяется целью, спецификой объекта и предмета исследования и построена в соответствии с логикой решаемых задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, перечня затекстовых ссылок, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, раскрывается её актуальность, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, теоретические и методологические основы диссертации, её теоретическая и практическая значимость, научная новизна полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, даётся информация об апробации результатов, краткая характеристика материала исследования, приводится структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы исследования метафорических моделей политического дискурса» носит теоретический характер и включает четыре параграфа.

В первом параграфе «Функционально-стилистическая дифференциация французских метафор» исследуется их различная функциональная активность. Так, одной из основных сфер применения метафоры является художественный стиль. В нём используются «средства всего языка со всеми его стилями, и писатель имеет неограниченные возможности употребления их в своём творчестве»,

они «бесконечно разнообразны и во многом индивидуальны»¹. Основная функция метафоры в художественной речи – эстетическая.

В публицистическом стиле также широко используются образно-метафорические единицы. Однако здесь они выполняют не столько эстетическую функцию, как в художественном тексте, сколько, прежде всего, функцию воздействия на реципиента. Она заключается в «преобразовании существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждении его к определённым действиям и формированию у него необходимого адресанту эмоционального состояния»².

Для разговорного стиля характерны не утратившие своей образности метафоры эмоционально-оценочного характера, которые реализуют коммуникативную, номинативную, объяснительную и другие функции. Активность этих метафор определяется спонтанностью общения, ассоциативностью конкретного мышления и особенностями выражения чувств и переживаний.

На современном этапе развития французского языка чаще всего метафора встречается в арготическом подстиле разговорной речи, который представляет собой ответвление народного языка и отличается гипертрофированными формами экспрессии.

Долгое время считалось, что метафоричность как черта научного стиля непродуктивна. На современном этапе точность оказывается важнейшей особенностью научного стиля, которая, однако, не должна сдерживать его стилистическую подвижность. Р.А. Будагов отмечал в этой связи, что образность и эмоциональность не следует считать качествами, которые абсолютно несвойственны научной речи. В подлинно научном стиле ясность и точность изложения

---

¹ Гаврилов Л.А. Стилистика французского языка: учеб. пособие. – М.: Военный университет, 2004. – С. 180.

² Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 127-128.

достигается лишь тогда, когда автор использует всё стилистическое богатство языка и тем самым избегает стилистической монотонности.¹

Кроме того, в научном стиле метафора встречается повсеместно в виде стёршихся образований, которые превратились в языковые клише. В ряде случаев она выполняет эвристическую, номинативную, репрезентативную, объяснительную, аксиологическую и иные функции.

Язык технической литературы представляет собой стиль нейтрального изложения информации, который не допускает субъективно-оценочных элементов и экспрессивной лексики. Однако там могут присутствовать отдельные метафорические конструкции, которые были терминологизированы и утратили свою образность, например: «носитель информации», «лицевая панель», «ведущая ручка».

В официально-деловом стиле метафора также практически неупотребительна. Это объясняется его официальностью и точностью, безэмоциональностью общения и терминованностью выражений. Вместе с тем, существуют исключения. Весьма эмоциональны французские традиционные формы вежливости в деловой переписке. Элементы экспрессии встречаются и в административных текстах, например, приказах.

Во втором параграфе «Основные особенности и критерии выделения концептуальной метафоры в диахроническом аспекте» рассматривается эволюция взглядов на природу и сущность этого образного языкового средства.

В классическом, узком понимании метафора была определена ещё Аристотелем. Свои трактовки понимания метафоры как образного языкового средства выдвигали такие философы и ораторы Древней Греции и Древнего Рима, как Деметрий Фалерский, Квинтилиан, Марк Туллий Цицерон, Платон, Теофраст и др. В конечном итоге, их исследования стали базисом для дальнейшего разноаспектного изучения метафоры.

---

¹ Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высшая школа, 1967. – С. 244-245.

Как в Средние века, так и в эпоху Возрождения в ряде случаев употребление метафор считалось недопустимым из-за появления неточностей, связанных с двусмысленностью. Один из французских теоретиков классицизма Д. Буур отмечал, что метафора часто не соответствует самому принципу её использования, когда на первый план выходит яркость, резкость и бессмысленность выражения. Сущность метафоризации, по Бууру, заключается в представлении какого-либо явления в качестве изображения или картины в иных цветах, причём слова, образующие образное выражение, должны не противоречить друг другу по смыслу, а соответствовать. Такую метафору он называл соразмерной (*métaphore de proportion*).

В Новое время понимание метафоры не выходило за рамки тропа. Её соотношение с другими образными средствами языка рассматривалось такими французскими теоретиками риторики, как С. Дю Марсе, Н. Бозе, Э. Кондильяк и П. Фонтанье. Они различали аллегория, развёрнутую и простую метафору по признаку протяжённости и количеству образов в выражении, а также проводили границу между метафорой, синекдохой и метонимией.

Ф. де Соссюр предложил новую теорию о языке, изменив понимание его структуры и протекающих в нём процессов. В основу своей теории он ставил символ (знак) как некий системообразующий объект. Именно вокруг символов, образов строится система ассоциаций в языке, концептуальная и языковая картины мира.

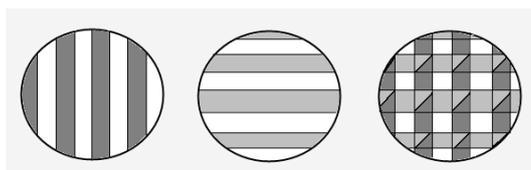
Тезис швейцарского лингвиста об изменчивости знака позволяет сделать вывод о том, что наличие у того или иного понятия более одного лексического значения обусловлено самой природой языка и происходящими в нём процессами. Вместе с тем, метафоризация как частный процесс переноса значения с одного понятия на другое является языковой универсалией. Это придавало импульс новым научным поискам в области интеракции означаемого и означающего в языке, а применительно к изучению теории метафоры и практики её использования – появлению ряда лингвистических теорий метафоры, таких как когнитивная, дискурсивная и других.

Ученик де Соссюра Ш. Балли считал, что метафора есть «не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сблизжать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове»¹. Кроме того, Балли одним из первых показал разницу между метафорами авторскими (индивидуальными, поэтическими, окказиональными), узуальными (метафорами широкого употребления, сохраняющими «свежесть») и стёршимися («окаменелыми»).

В первой половине XX века метафора впервые начинает рассматриваться как когнитивный феномен. В частности, это прослеживается в исследованиях М. Блэка, К. Бюлера и А. Ричардса. В соответствии с новой трактовкой, метафора порождает некую новую сущность, новый объект, в котором участвуют свойства двух метафорически сопоставляемых предметов.

Так, мыслительная концепция К. Бюлера стала настоящим предвосхищением когнитивной теории метафоры. Её представляется возможным сравнить с явлением дифференциации, возникающим при совмещении двух светонепроницаемых карточек с разнорасположенными прорезями, используемыми в качестве диапозитива в проекционном аппарате (см. рис. 1).

Рисунок 1. Явление дифференциации

В этом случае образуется проекционная решётка, которая, с одной стороны, перекрывает отдельные участки первой карточки, с другой – второй карточки. Бюлер назвал это явление «законом перекрывания», который объясняет механизм метафорического употребления. При скрещивании двух концептуальных полей в процессе метафоризации в результате эффекта дифференциации значе-

¹ Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 221.

ния концептов, не подходящих для конкретной метафоры, оказываются отсеянными – «перекрываемыми».

С одной стороны, «перекрывание» является лишь следствием эффекта подсуммативности (то есть, некий «лишний» признак объекта в процессе метафоризации удаляется). С другой стороны, этот эффект, в конечном счёте, влечёт за собой эффект сверхсуммативности – образование нового качественного смысла, присущего всей метафоре, а не сумме смыслов её отдельных членов (полная аналогия с новым качественным свойством системы, образующимся путём взаимодействия элементов, в неё входящих). В результате мы видим не только взаимосвязь этих эффектов, но и их взаимозависимость и взаимообусловленность.

В.Н. Телия посвятила ряд работ изучению функционирования метафоры в языке и тексте и её экспрессивно-оценочной функции. Она рассматривала метафору как модель смыслопроизводства, а метафоризацию считала неотъемлемым процессом в создании языковой картины мира. Модель метафорического процесса Телия представляет как взаимодействие ряда сущностей: замысла, цели, основания, вспомогательного понятия – сопровождающихся ассоциативным комплексом (знаниями или собственно личными представлениями) и «языковым чутьём» (осознанием ассоциативного ореола значения и звучания). В конечном счёте, метафору Телия определяла как особый способ создания новых концептов на основе существующих в данной семиотической системе знаков.

Н.Д. Арутюнова вводит классификацию языковой метафоры как лингвистического феномена. Она делит её на номинативную (как источник омонимии), образную (служит развитию фигуральных значений и синонимических средств языка), когнитивную (как источник полисемии) и генерализирующую метафору (как конечный результат развития когнитивной метафоры). В своих исследованиях Арутюнова уделила большое внимание взаимосвязи метафоры с другими образными средствами и её использованию в повседневной речи, научном и художественном дискурсах. В основе семиотической системы она выделяла

трёхкомпонентную модель образ-метафора-символ, в которой отводила метафоре центральное место.

В.Г. Гак дифференцирует метафоры на основе соотношения формы и значения. Он различает полную метафору (без изменения структуры слова в переносном значении), и частичную метафору (имеются морфологические изменения), которая свойственна французскому языку в большей степени, чем русскому. Кроме того, Гак в своих исследованиях затронул когнитивный аспект метафоризации, определив структуру метафорического переноса.

Также значительный вклад в исследование метафоры в XX веке внесли А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, Е.М. Вольф, Д. Дэвидсон, П. Рикёр, Дж. Серль, С. Харнад, Р.О. Якобсон и др.

Следующим этапом развития учения о метафоре стала когнитивная теория, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Эта теория привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал своего применения в практических исследованиях. Лакофф и Джонсон показали, что мышление человека строится на метафорических образах и определённых схемах их употребления.

Когнитивная теория (теория концептуальной метафоры) исходит из того, что метафоризация строится на процессе взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов: сферы-источника А (в других терминах – *source domain*, исходная понятийная область, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии, область источника) и сферы-цели В (в других терминах – *target domain*, новая понятийная область, ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели). Этот процесс взаимодействия подразумевает осуществление однонаправленной «метафорической проекции» (*metaphorical mapping*) или «когнитивного отображения» (*cognitive mapping*) из сферы-источника в сферу-мишень. В ходе такой проекции происходит структурирование менее понятной концептуальной сферы-мишени за счёт элементов знаний сферы-источника, ко-

торые, в свою очередь, были сформированы у человека в результате опыта его взаимодействия с окружающим миром.

Концептуальный домен пополняется всё новыми и новыми знаниями из опыта непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, в результате которого происходит категоризация действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов». Таким образом, под концептуальной (когнитивной) метафорой следует понимать «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества»¹.

Таким образом, в современной когнитивистике метафора – одна из основных ментальных операций, целью которой является познание, категоризация, концептуализация, оценка и объяснение мира. То есть, она выступает и продуктом речевой практики человека, и когнитивным феноменом, обуславливающим характер его речевой деятельности. Например, в политике употребление метафоры является неотъемлемым атрибутом, поскольку эта сфера жизнедеятельности человека нуждается в более понятной интерпретации событий и упрощении. В таких условиях востребованы простые и понятные образы из хорошо знакомых для реципиента сфер: *le retour à l'ordre* (движение), *les ennemis de la démocratie* (война), *le pouvoir s'affaiblit* (болезнь).

В соответствии с современной трактовкой метафоры, ей фактически может называться любая лексема, употреблённая в переносном смысле: «В расширительном смысле термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении»². Она объединяет в себе абсолютно все возможные варианты употребления языковых смысловых единиц во всех сферах жизнедеятельности человека в непрямом значении.

---

¹ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 11.

² Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь: под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд., дополненное. – М.: Издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 296.

В нашем понимании метафора – не только образ, но интерпретативная, эпистемологическая категория, обладающая креативной ролью в структурировании и раскрытии мира, в ряде случаев она служит средством намеренного искажения действительности.

В третьем параграфе «Метафорическое манипулятивное воздействие в политическом дискурсе» раскрывается манипулятивная сторона метафоризации.

Политический дискурс определяется как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации»¹. В его рамках чрезвычайно востребована и актуальна метафора, поскольку именно она способна образовывать как эвфемизм и положительный языковой политический штамп, так и дисфемизм, отрицательный или дискредитирующий образ.

Метафорическое воздействие в политическом дискурсе используется в целях пропаганды каких-либо идей, эмоционального воздействия на реципиента и побуждения его к политическим действиям, выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях плюрализма мнений. Новая авторская, креативная метафора, появившаяся в информационном пространстве, способна вызвать у реципиента яркий неязыковой образ, который будет храниться в его сознании достаточно долго. Однако с течением времени и растущим числом употреблений «яркость» метафоры начинает уменьшаться, а образ, созданный на её основе, бледнеть. Поэтому с целью эффективного воздействия на объект в политическом дискурсе создаются целые «сети» метафорических словоупотреблений на основе единого исходного концептуального поля. Они образуют в сознании реципиента устойчивые, непрерывные связи между формируемыми неязыковыми образами и действительностью, в которой он находится. Эти связи своевременно поддерживаются появлением в информационном пространстве новых метафор того же исходного

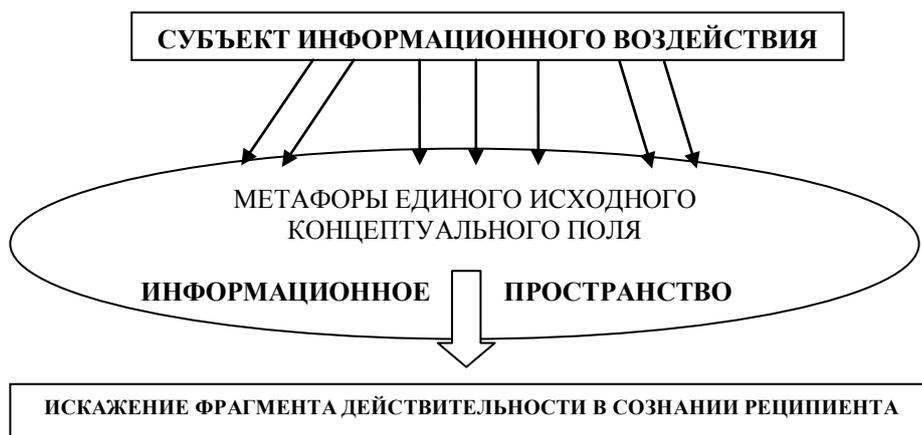
---

¹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 263.

концептуального поля. Таким образом, в сознании реципиента возникает подобие между созданными субъектом воздействия информационными фантомами и фрагментом действительности, к которому относятся метафорические словоупотребления.

Иначе говоря, метафоры единого исходного концептуального поля, порождённые субъектом информационного воздействия, попадают в информационное пространство, изменяя, а иногда даже и искажая определённые фрагменты действительности в сознании реципиента (рис. 2). Фрагмент действительности, подвергшийся изменению, уже не соответствует реальному. Происходит подмена понятий, изменение ценностных установок и ориентиров.

Рисунок 2. Метафорическое моделирование как элемент информационного воздействия на реципиента

При использовании метафорических моделей, пронизывающих тексты одной тематики политического дискурса и описывающих один и тот же объект, воздействие на адресата становится системным и непрерывным. Иными словами, метафорическое моделирование как процесс построения метафорической модели – универсальной эпистемологической категории, выражающей общую семантику дискурса и формирующей у адресата картину мира и определённые стереотипы мышления – представляет собой один из основных элементов речевого манипулятивного воздействия.

Способность метафорического моделирования оказывать то или иное концептуальное воздействие на адресата представляется особенно актуальной для политтехнологов ввиду постоянно ведущейся политической борьбы. В этих условиях метафора оказывается одним из главных языковых средств политической и идеологической ориентированности, в частности, на стилистическом уровне языка, а также одним из прагматических средств при реализации персуазивной стратегии в текстах политического дискурса.

Иными словами, метафора позволяет сделать текст более выразительным и даже убедительным. По сути дела, она играет роль дополнительного аргумента для адресата, хотя на самом деле таковым не является. Иначе говоря, всякий раз, когда субъект информации стремится к тому, чтобы его оценка, его точка зрения, его подход к освещению событий принимался и разделялся аудиторией, он использует метафору как надёжное средство убеждения.

В этой связи одним из основных направлений деятельности отечественной научной и общественно-политической мысли становится анализ метафорического образа России в иностранном и, в частности, французском политическом дискурсе, а также выявление его оценочных характеристик, которые позволяют вскрыть истинные мотивационные установки, заложенные субъектом речи в массив политических текстов.

В четвёртом параграфе «Методика описания метафорических моделей» исследуется алгоритм их построения и практического рассмотрения. За основу взята методика А.П. Чудинова, которая предполагает, что при описании любой метафорической модели должны быть раскрыты следующие признаки:

1. Исходная понятийная область (сфера-источник), к которой относятся не-метафорические смыслы охватываемых моделью единиц.
2. Новая понятийная область (сфера-мишень), к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц.
3. Относящиеся к данной модели фреймы (фрагменты языковой картины мира – структурные элементы сферы-источника), осуществляющие ментальную категоризацию сферы-магнита.

4. Типовые слоты (элементы ситуации), которые образуют фреймы. Например, фрейм «вооружение» может включать такие слоты, как: «боевая техника», «огнестрельное оружие», «холодное оружие» и др. Слоты, как правило, подразделяются на концепты, представляющие собой в цепи звеньев «концепт – слот – фрейм – модель» минимальные единицы опыта и ментального лексикона, «кванты знания».¹

5. Компонент, связывающий первичные смыслы сферы-источника и метафорические смыслы сферы-магнита (семантическое пересечение двух сфер и их общие элементы, позволяющие осуществить метафорический перенос).

6. Дискурсивная характеристика модели: её взаимосвязь с политической ситуацией, политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации, её прагматический потенциал, эмотивные характеристики и концептуальные векторы.

7. Продуктивность (типичные направления развёртывания в тексте и дискурсе), частотность модели.

Кроме того, приводится ряд классификаций метафор, обычно используемых во французском политическом дискурсе. В частности, концептуальные метафоры дифференцированы с точки зрения семантико-синтаксического подхода (предикатная, предикативно-атрибутивная, атрибутивная, пояснительная, субъектная), критерия стилистической значимости (оказиональные, узуальные, «мёртвые»), классической теории концептуальной метафоры (структурные, ориентационные, онтологические, строительные, контейнерные, канала связи), теории метафорического моделирования (природоморфная, социоморфная, артефактная, антропоморфная). Указанные классификации были дополнены новыми типами концептуальных метафор с учётом большей степени детализации сферы-источника. Так, выделяются метафоры смерти, бедствий, лидерства, мореплавания, физических качеств, эмоциональных качеств; вводятся компьютерные, ограничительные, авторитарные (диктаторские) и др. метафоры.

---

¹ Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – С. 132-133.

Отмечается, что классификационный анализ метафорических выражений, функционирующих в политическом дискурсе, позволяет выявить собирательный метафорический образ России, формируемый во французских средствах массовой информации. Ввиду того, что он представляет собой сложный идейно-политический комплекс стереотипов и представлений, его детальное рассмотрение проводится в рамках нескольких политических сегментов внутренней и внешней политики России. Понятие «политический сегмент» во многом сопоставимо с понятием «политический нарратив»¹. Оба эти явления обладают практически одинаковыми свойствами (общественная значимость сюжета, сюжетная двуплановость, сочетание первичных и вторичных текстов, множественность повествователей и сочетание содержательного единства с множественностью модальных установок).² Однако политический сегмент имеет больший с точки зрения хронологии и масштаба охват: не один-два политических факта, а цепь политических событий. Например, внутривнутриполитическая ситуация на Украине конца 2013 года – начала 2015 года объединяет в себе большое количество разного рода событий, которые впоследствии вышли за границы одной страны и повлекли за собой пристальное внимание всей мировой общественности. Более того, политический нарратив связан в большей степени с изложением политических событий и фактов («нарративная история»), тогда как политический сегмент объединяет в себе и их интерпретационную сторону, полный комплекс политических текстов с субъективным анализом ситуации с целью создания идеологически окрашенных образов (в том числе метафорических). К нему относятся и политические тексты, появившиеся значительно позже описываемых событий.

Под политическим сегментом понимается отображаемый в политическом дискурсе ряд общественно значимых и взаимосвязанных событий, притягивающих внимание национальной и мировой общественности. Примерами сег-

---

¹ См.: Шейгал Е.И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 55-68.

² Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – № 2 (22). – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – С. 86-88.

ментов внешней политики РФ могут служить: военный конфликт в Южной Осетии, сирийский кризис, иранский ядерный вопрос, украинский кризис; примерами сегментов внутренней политики РФ – протестное движение оппозиции 2011 года, дело Навального и т.п.

В конечном счёте, в рамках отдельных сегментов внутренней и внешней политики РФ выявляются исходные метафорообразующие понятийные области, которые образуют комплекс метафорических моделей образа России – собирательный метафорический образ нашей страны, формируемый у французской аудитории.

Вторая глава «Метафорические образы российской политической действительности в современном французском политическом дискурсе» включает пять параграфов.

В первом параграфе «Метафорические образы России в политическом сегменте «Дело Навального» анализируются метафорические выражения, характеризующие российскую оппозицию и российскую власть в контексте судебного процесса против Навального в 2012 году, который вызвал широкий общественный резонанс.

Так, в результате метафорического воздействия французских СМИ у реципиента намеренно формируются негативные представления о российской политической действительности. Через морбиальные (*s'affaiblir, mal endémique, politique à très courte vue, gangrener, monstre, rongé*) и криминальные (*étouffer, tuer, rafler, le parti des escrocs et des voleurs, derrière les grillages des camps*) метафоры авторами французских политических текстов представляется коррупция и другие проблемы российского общества. Президент России называется авторитарным правителем, «царём» и диктатором (*Vladimir le terrible, tsar système, maître du Kremlin, néo-tsar*). В противовес этому, почти во всех случаях оппозиция власти преподносится в исключительно положительном свете. Метафорическая основа её образов относится к таким сферам-источникам, как «Война» (*combat, rassembler ses troupes, prêter le flanc à, ouvrir la voie à, ennemi*), «Спорт / Игра» (*battre des records, faire cavalier seul*), «Герой» (*héros de*

l'opposition, reçu en héros), «Спаситель» (*chevalier blanc*), «Жертва» (*pauvre victime*) и др.

Полученные результаты подтверждаются статистическими данными, полученными путём подсчёта и оценки метафорических выражений образов власти и оппозиции. Стремление создать пейоративный образ российской власти вызван попытками Запада любыми средствами добиться смены её самостоятельного политического курса. Западным политическим элитам невыгоден сильный и независимый политик во главе России, поэтому В.В. Путина изображают так, будто он жёстко ограничивает гражданские права и свободы в стране и подавляет оппозицию (*bâillon, chape de plomb, museler, étau, verrouiller*).

Во втором параграфе «Метафорические образы России в политическом сегменте «Олимпийские Игры в Сочи» проанализированы метафорические выражения образа России в политических текстах, посвящённых подготовке и проведению Зимних Олимпийских и Паралимпийских Игр 2014 года. Выбор автора обусловлен пристальным вниманием к этим спортивным мероприятиям национальной и мировой общественности.

Метафорическая основа образа России в рассматриваемом политическом сегменте достаточно дифференцирована и включает монархические (*maître des Jeux, “Jeux de Poutine”, régner, baron régional, “Sotchi est à Poutine ce que Saint-Pétersbourg fut à Pierre le Grand”, tout-puissant*), милитарные (*sous le feu, fuser contre, faire feu, lancer une opération, bruits de bottes, envahir, camp retranché, champ d'expérimentation*), морбиальные (*talon d'Achille, souffrir de maux endémiques*), спортивные (*remporter la timbale, superstar olympique, tremplin, podium olympique, jouet*), криминальные (*saccage, de goulag, derrière les barreaux*), театральные (*mettre en scène, “Russie “Potemkine”, feuilleton*) и др. концепты.

Под воздействием проанализированных метафор у французского реципиента намеренно формируются следующие представления, связанные с образом России:

1. Россия хорошо организовала Олимпийские Игры, на которые потратила баснословную сумму денежных средств, значительная часть из которых была разворована, и сильно навредила экологической обстановке в районе Сочи.

2. Олимпиада в г. Сочи – личный проект Владимира Путина, с помощью которого ему удалось вернуть Россию в разряд ведущих мировых держав.

3. Несмотря на великолепную организацию Игр и значительные усилия российского руководства показать «новую Россию» через образ Сочи, Олимпиада оказалась очередной «Потёмкинской деревней» и прикрытием для агрессии на Украине.

4. На время проведения Олимпийских Игр Сочи был под строжайшим контролем Вооружённых Сил, полиции и спецслужб.

Полученные результаты подтверждаются статистическими данными, полученными путём подсчёта и оценки метафорических выражений образа России в рамках политического сегмента. Негативное освещение российской политической действительности во французских средствах массовой информации стало своего рода универсальным протестом в ответ на внешнеполитические успехи России и её внутреннюю консолидацию.

В третьем параграфе «Метафорические образы России в политическом сегменте «Гражданская война на Украине» проведён анализ метафорических выражений образа России во французских политических текстах, посвящённых украинскому кризису, начавшемуся в начале 2014 года. Выбор обусловлен высоким для России и Европы цивилизационным значением происходящих на Донбассе событий.

Образ России в рассматриваемом политическом сегменте строится на таких видах метафор, как спортивная / игровая (*jeu dangereux, avoir toutes les cartes en main, avoir une carte à jouer, jouer sur les deux tableaux, gagner, dominer jeu international, avancer ses pions, pousser son cheval pour gagner, bras de fer*), военная (*terrain miné, stratège, dégainer une arme des sanctions, frapper, bruit des bottes, coup d'avance*), антропоморфная (*giron, montrer les muscles, montrer les dents, engloutir, avaler, appétits territoriaux*), социоморфная (“*enfoncer “un coin”*”

entre les Etats-Unis et l'Union européenne”, *punir*, “*Les Mistral sont les navires de la discorde*”, *ami*) и др.

Под воздействием проанализированных метафор у реципиента формируются крайне негативные представления о роли России в украинском кризисе. Внешняя политика России изображается опасной, а главное – непредсказуемой. Целенаправленно создаётся образ России как страны-агрессора, виновной в разжигании гражданской войны в Украине.

С помощью метафорических выражений В.В. Путина представляют сильным, но коварным и непредсказуемым политиком. Отдельно следует выделить метафорические выражения, относящиеся к понятию нацизма и намеренно употреблённые французскими СМИ с целью приравнять российские власти к преступному руководству Третьего Рейха: “*Vladimir Poutine a-t-il enfilé les bottes d’Adolf Hitler?*”, “*...si le Kremlin utilise les mêmes ficelles que les nazis*”, “*le même aveuglement que face au Hitler des années 1936-38*”, *chancelier IIIe Reich*, *Blitzkrieg institutionnel*, “*Poutine c’est l’héritier d’Hitler*”.

Наконец, Россия изображается так, будто она находится в глубоком внутри- и внешнеполитическом кризисе из-за санкций и международной изоляции. Такая подача информации потребовалась европейским и, в частности, французским политическим элитам для того, чтобы демонизировать образ нашей страны в сознании реципиентов, преподнести её изгоем и оправдать разрыв многих торговых и экономических связей с ней.

Полученные результаты подтверждаются статистическими данными, полученными путём подсчёта и оценки метафорических выражений образа России в рамках политического сегмента.

В четвёртом параграфе «Определение экспрессивности и конфликтогенности метафор политических сегментов» рассмотренные политические сегменты градуируются на основе критериев экспрессивности и конфликтогенности метафор.

Экспрессивность метафор – числовая величина, отражающая прагматический потенциал метафор политического сегмента, степень их воздействия на реци-

пиента с учётом своей образности, эстетической красоты и уместности. Она напрямую зависит от стилистической значимости метафорических словоупотреблений: чем больше креативных (авторских) метафор в политическом сегменте, тем выше в нём будет показатель силы метафор.

Экспрессивность метафор политического сегмента рассчитывается по следующей формуле, предложенной К. де Ландтсхеер¹:

$$I = \frac{1w+2n+3s}{t}, \quad (1)$$

где

I – экспрессивность метафор политического сегмента;

w – количество «слабых» метафор (реализуют стандартные метафорические переносы значения);

n – количество обычных конвенциональных метафор, частично фиксированных в качестве словарных значений;

s – количество новых, креативных (авторских) метафор;

t – общее количество метафор.

Частота употребления метафоры влияет на её тип с точки зрения стилистической значимости: чем чаще она употребляется в речи, тем больше теряет свою экспрессивность I и переходит в последующий разряд от авторской до «мёртвой» соответственно (см. таблицу 1).

Коэффициенты 1, 2, 3 за счёт умножения на соответствующие им переменные позволяют учесть экспрессивность разных видов метафор в зависимости от их стилистической значимости. Так, количество «слабых» метафор (w) умножается на наименьший коэффициент 1, количество средних по своей экспрессивности конвенциональных метафор (n) – на коэффициент 2, количество наиболее эффективных, креативных (авторских) метафор (s) – на коэффициент 3. То есть, чем больше окказиональных метафор в массиве выборки метафорических словоупотреблений (s), тем выше будет показатель экспрессивности метафор I .

---

¹ Цит. по: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – С. 271.

И наоборот, «слабые» метафоры (w), которые выделяет А.Н. Баранов, не являются «мёртвыми», но осуществляют стандартные для соответствующего языка метафорические переносы, например: «Он бился, как лев». Они представляют собой наименее экспрессивные выражения, поэтому им присвоен наименьший коэффициент 1.

Таблица 1. Факторы, определяющие экспрессивность метафоры

метафора	экспрессия	непредсказуемость	новизна	синонимия
авторская	+	+	+	+
узуальная	+	частичная	частичная	+
«слабая»	+	–	–	+
«мёртвая»	–	–	–	–

За счёт перемножения переменных на коэффициенты в числителе достигается величина, не равная общему количеству метафорических словоупотреблений в рамках политического сегмента, а значительно его превышающая. Без такого математического действия экспрессивность метафор I была бы равна 1, поскольку числитель, как и знаменатель, содержал бы только общую сумму метафорических выражений («слабые» + конвенциональные + авторские). Но благодаря умножению переменных w , n , s на коэффициенты 1, 2 и 3 соответственно мы имеем дело с качественной характеристикой метафорического потенциала. При делении на общее количество выявленных метафор мы получаем числовой показатель экспрессивности метафор выборки (политического сегмента).

По результатам расчётов наибольшая экспрессивность метафор наблюдается в политическом сегменте «Гражданская война на Украине» (2,409). Метафоры этого политического сегмента наиболее продуктивны с точки зрения воздействия с учётом своей образности, эстетической красоты и уместности, они обладают наибольшим прагматическим потенциалом. Эта цифра превосходит ана-

логичные показатели в политических сегментах «Олимпийские Игры в Сочи» (2,306) и «Дело Навального» (2,206).

Метафоры часто используются для категоризации проблемной ситуации и формируют набор альтернатив для её решения. В связи с этим автором вводится понятие конфликтогенности. Это числовая величина, отражающая актуальность и проблемность событий в том или ином политическом сегменте, их «градус», общественную значимость, а также ход осмысления. Как пишет А.Н. Баранов, склонность к использованию конфликтных метафор (военных, спортивных, игровых) характеризует *кризисное (конфликтное)* мышление. Приверженность к органистическим (природоморфным) метафорам говорит о неконфликтном осмыслении опыта. Конструктивные или рациональные метафоры, к которым он относит, например, метафоры строения или механизма, свойственны рационалистическому мышлению.¹

Конфликтогенность метафор политического сегмента рассчитывается по следующей формуле:

$$D = \frac{1n+2p+3d+4sp+5m}{t}, \quad (2)$$

где

D – конфликтогенность метафор политического сегмента;

m – количество морбиальных метафор, а также метафор нацизма, смерти, бедствий, распада;

sp – количество ограничительных, военных, криминальных, игровых (спортивных), авторитарных (диктаторских), социоморфных, монархических метафор, а также метафор преследования, типа «злодей – спаситель», «жертва», «герой»;

d – количество театральных (цирковых и иных зрелищных искусств), религиозных, литературных, музыкальных, ориентационных метафор, а также мета-

---

¹ См.: Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2003. – № 2. – С. 73-94.

фор кино, искусства, персонификации, присоединения, движения, веса, физических (эмоциональных) качеств;

p – количество антропоморфных, контейнерных, цветовых, компьютерных метафор, а также метафор строения, механизма, пути, мореплавания;

n – количество природоморфных, гастрономических метафор.

Результаты расчётов показывают, что наибольшая конфликтогенность метафор наблюдается в политическом сегменте «Гражданская война на Украине» (3,409). Данный факт можно объяснить тем, что острый внутривнутриполитический кризис на Украине освещается во французских СМИ более активно и привлекает гораздо больше внимания. С лингвистической точки зрения это выразилось в большем количестве конфликтных метафор образа России (военных, спортивных (игровых), социоморфных метафор, метафор нацизма) по отношению к общему количеству метафор в рамках политического сегмента «Гражданская война на Украине».

Конфликтогенность метафор в политическом сегменте «Дело Навального» выше, чем в сегменте «Олимпийские Игры в Сочи» (3,368 против 2,836), что объясняется общественной значимостью внутривнутриполитических событий в России середины 2012-середины 2013 годов.

Формулы расчёта экспрессивности и конфликтогенности метафор отдельного политического сегмента не претендуют на абсолютную точность, поскольку процесс дифференциации исходных понятийных областей (сфер-источников) и присвоения им соответствующих числовых коэффициентов достаточно субъективен. Однако при большом количестве метафорических единиц в выборке и одинаковом подходе к расчётам в рамках всех политических сегментов результаты стремятся к более объективным числовым характеристикам.

В пятом параграфе «Основные метафорические модели образа России в современном французском политическом дискурсе» автором систематизированы метафорические выражения и построены основные метафорические модели образа России в современных французских политических текстах.

Подчёркивается, что метафорические словоупотребления в политическом дискурсе существуют не обособленно друг от друга, а образуют целые метафорические сети, и даже системы, пронизывающие политический дискурс. В процессе метафоризации субъект речи, как правило, использует, прежде всего, те сферы-источники, которые обнаруживают значительную степень детализации.

Каждая из метафорических моделей использует концепты из своей сферы-источника и развёртывается в политическом дискурсе. Она может быть основной моделью, доминирующей в политических текстах, второстепенной или присутствует в дискурсе на равноправной основе с другими моделями. Так, одной из ведущих метафорических моделей образа России во французском политическом дискурсе автором определяется «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА». С одной стороны, использование милитарных концептов в политической коммуникации обусловлено тем, что они навязывают реципиенту конфронтационный сценарий решения проблем и сужает круг потенциальных альтернатив. С другой стороны, это вызвано стремлением западных СМИ дать негативную оценку внешней и внутренней политике России.

В структуре указанной модели нами выделяются такие фреймы действительности, как «Война и её разновидности», «Союзники и враги», «Организация военной службы» и др.

Метафорическая модель «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ)» структурирует образ России и её политическую действительность в сознании реципиента на основе концептов из такой сферы человеческой деятельности, как спорт и игры. Во французских СМИ употребление спортивных (игровых) концептов получило широкое распространение. Стоит отметить, что с их помощью часто передаётся противостояние политических субъектов, поскольку сфера спорта широко распространена в повседневной человеческой жизнедеятельности. Модели «ИГРА» и «СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ» взаимообусловлены и взаимозависимы, поэтому по рациональным соображениям мы объединяем их в

единую структуру, которая включает такие фреймы действительности, как «Виды игры и спорта», «Участники соревнований и их результаты» и «Правила игры и судьбы».

Метафорическая модель «РОССИЯ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО» традиционна как для российской, так и для французской политической речи. Она воздействует на реципиента таким образом, что у него вырабатывается новый, искажённый взгляд на российскую политическую действительность как на преступный мир, в котором нет места правовым отношениям. Криминальные метафоры имеют высокий прагматический потенциал и объединяют в себе концептуальные векторы опасности, тревожности, агрессивности, противоестественности складывающегося порядка, резкого противопоставления «своих» и «чужих». Создание такой негативной «параллельной реальности» в сознании реципиента необходимо западным СМИ с целью дискредитации российской власти, общества и России в целом.

В структуре криминальной метафорической модели образа России нами выделяются такие фреймы действительности, как «Преступники», «Преступная деятельность», «Жертвы преступлений» и «Места лишения свободы».

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, приводятся основные результаты и выводы работы в целом, определяются направления дальнейших исследований и области практического использования полученных результатов и иллюстративного материала.

Употребление в отношении России большого количества метафорических словоупотреблений, основой которых выступают военные, спортивные (игровые) и криминальные концепты, вызвано желанием западных СМИ негативно охарактеризовать российскую политическую действительность, дискредитировать в глазах своей аудитории российскую власть, общество и Россию в целом. Фактически создание негативных метафорических образов есть не что иное как элемент борьбы Запада против нашей страны, цель которой не только изменить режим власти в России, но и вынудить её отказаться от защиты своих национальных интересов. Формирование такой «параллельной реальности» также не-

обходимо западным СМИ с целью создания у реципиентов образа врага, против которого будут оправданы враждебные действия, внешнее давление и даже война.

Использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение уже достаточно длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Работы, опубликованные в периодических изданиях, входящих в список ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией:

1. Зарипов Р.И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – М.: Изд-во РУДН, 2014. – № 2. – С. 145-158.

2. Зарипов Р.И. Метафорические образы российской оппозиции во французском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 7-1 (37). – С. 73-77.

3. Зарипов Р.И. Метафорические образы российской власти во французском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2014. – № 3 (49). – С. 124-128.

4. Зарипов Р.И. Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯ РАН, 2015. – № 1 (23). – С. 95-106.

5. Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте Олимпийских игр в Сочи // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2015. – № 1 (51). – С. 174-180.

Работы, опубликованные в других изданиях:

1. Зарипов Р.И. Метафора: от Аристотеля до Фердинанда де Соссюра // Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня

рождения Ф. де Соссюра): сб. материалов международной науч. конф. (21-22 февраля 2013 г., Москва) / коллектив авторов. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – С. 349-354.

2. Зарипов Р.И. Метафора, этимология, контекст // Языковые и культурные контакты различных народов: сборник статей Международной научно-методической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2013. – С. 13-15.

3. Зарипов Р.И. Мыслительная модель метафоры Бюлера // Перевод и когнитология в XXI веке: сб. статей по материалам VI Международной научной теоретической конференции, Москва, 25-26 апреля 2013. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – С. 107-111.

4. Зарипов Р.И. Метафора в трудах европейских лингвистов XX века // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе. Материалы межвузовской научно-практической конференции (22 мая 2013 года). – Т. 2. – М.: АФСБ, 2014. – С. 59-69.

5. Зарипов Р.И. Некоторые приёмы метафорического моделирования в политическом дискурсе // Сборник научных статей адъюнктов. № 21. – М.: ВУ, 2014. – С. 202-221.

6. Зарипов Р.И. Методика описания метафорических моделей // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.) / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2014. – С. 477-486.